

Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории / Б. Грин. Пер. с англ. – М.: URSS; КомКнига, 2007. – 286 с. 3. *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы / С. Вайнберг. Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

ТЕХНИКА, ЭКОЛОГИЯ И ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА ПЕРСПЕКТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Н. Б. Годзь

Национальный технический университет «ХПИ», Харьков

У Н. Бердяева есть замечательное произведение – «Человек и машина (проблема социологии и метафизика техники)», в котором он в свое время написал, что оба мнения христиан относительно техники ошибочны – большинство технику воспринимает «религиозно - нейтрально» и считает ее уделом инженеров. Меньшинство – апокалепсически – и это тоже «ленивое» восприятие [1, с. 13–43]. Он писал, что «Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви» [1, с. 14], а *Têchne* есть и индустрия, и искусство. Отмечая, что первопричиной возникновения техники была задача достичь наибольшего результата при наименьшей трате сил. Он отмечает, что Шпенглер в работе «*Der Mensch und die Technik*» определял технику как борьбу, не оружие. Сам же Бердяев исходил в первую очередь средство, а не цель, поскольку не может быть, по мнению Н. Бердяева технических целей жизни [1, с. 15]. Подчеркнем, что это наблюдение удивительно и важно, поскольку позже, мы можем наблюдать именно подмену критерия «средства» целью и не только для категории ученых. Главное, что Н. Бердяев усматривает отличие технической эпохи от предшествующих, поскольку она требует от человека фабрикации продуктов и с этого момента вещь становится выше человека. В этой связи Н. Бердяев выводит три стадии в истории человечества – природно-органическую, культурную и «технически-машинную», самое ценное его наблюдение при этом заключается в том, что «...и человек культуры все еще жил в природном мире... Прозцветание культур и государств представлялось как бы растительно-животным процессом» [1, с. 18].

В продолжение темы исследования экологической картины мира, приведем следующее наблюдение – Н. В. Попковой, которая в своей монографии пишет, что биосферный человек в условиях техногенного развития превратился в человека техносферного, который пока остается человеком, но это только пока [5, с. 299]. По ее словам в современной экологии человека, как и во всех отдельных экологических дисциплинах, законы еще не сформулированы, имеются только эмпирические обобщения, но экология как практическая дисциплина имеет практическое значение во всей повседневной жизни современного общества [5, с. 302].

Мы не устаем повторять, что экология, работает с системами, как открытыми, так и закрытыми. Б. Вольтер в своей статье приводит высказывание

Н. А. Бердяева «Наука – не творчество, а послушание, ее стихия – не свобода, а необходимость» [2, с. 12], которая, на наш взгляд так же права, как и нуждается в уточнении, что наука все-таки еще требует и элементов творческой гениальности. Тем не менее, Б. Вольтер очень метко замечает, что еще в древности «Древние считали, что вещь не существует, пока не названа. В этом смысле открытие системы де-юре существует с 1929 года, когда бельгийский физик Р. Дефей предложил все материальные системы разделить по особенностям их связи с внешней средой. Изолированными он назвал системы, обособленные от внешнего мира, закрытыми – имеющие только энергетический обмен, открытыми – обменивающиеся и энергией, и веществом, конечно, открытые системы существовали и до Дефея... Одним из первых биологов, кого привлекла концепция открытых систем, был австриец Людвиг фон Берталанфи. В начале 1930-х годов он создал научное направление, получившее название «общей теории систем». Правда, еще в 1913 году в России (и в двадцатых годах в Германии) была издана книга «Всеобщая организационная наука (текстология)» А. А. Богданова, но прямых ссылок на нее у Берталанфи нет. Богданов развивал тот же системный подход, исходя из очевидного принципа: «Целое больше суммы своих частей» [2, с. 12].

Очень интересное этноэкологическое наблюдение (хотя сам его автор так его не определил, это мы его видим в таком срезе) дал С. Д. Хайтун «Если другие страны быстро проскакивали полисную стадию, образовывали «полномерные» государства с централизованной властью, то Древняя Греция вплоть до ее покорения ... состояла примерно из 300-городов-государств, образуя при этом единую нацию. Причиной тому мы считаем уникальное сочетание изрезанного рельефа Греции с «оптимально слабым» развитием транспортных и военных средств. Положение изменилось с изобретением ... македонской фаланги (реформирование греческой фаланги гоплитов, снабжение второго, третьего, четвертого и пятого рядов фалангистов копьями нарастающей длины)» [6, с. 117].

Отмечая вслед за другими исследователями, что люди имеют даты рождения, а Человек – нет, т.к. вопрос даты происхождения еще изучается, Э. Морен подчеркивает проблему многомерности нашего морфогенеза [4, с. 49–52]. Морен считал, что «организация палео-общества... предполагает возникающее на основе экологических взаимоотношений рождение экономики. Если экономика – это система организации добычи ресурсов, их распределения, их потребления, то ясно, что общество приматов экономикой не обладают... общество гоминид, напротив, создает свою экономику, организуя и технологизируя две имеющиеся у них экологические практики – охоту и собирательство, преобразующиеся в две экономические практики... Экономика, таким образом, возникает из соединения правил самоорганизации с экологической практической деятельностью...» [4, с. 66] и именно эта деятельность подталкивает создание фонетики коммуникации и зарождения культуры, что интегрировала зарождающуюся технику в систему возникшей экономики [4, с. 68–74], и «...общество, достигнув сложности в некоей заданной сфере при некоей заданной практике, может, благодаря имеющейся у него системе

культуры, сохранять эту однажды приобретенную сложность в совершенно новых экологических прагматических... условиях» [4, с. 76]. При этом Морен придерживается теории, что природа и культура есть два единых процесса, две стороны одного феномена «очеловечивания» человека [4, с. 85] а «очеловечивание» – это процесс в котором смешалась и мутации и экологические сдвиги и интеграции и все это стороны единого техно-социо-культурного морфогенеза [4, с. 86–87]. Еще раз подчеркнем, сказанное выше – «существовать начинает названное». таким образом этносы в своем существовании определяли окружающую реальность, давая ей имена. Топонимы и Гидронимы – старейшие маркеры этнической исторической карты существования и развития, а также, параллельно с развитием языка и разворачиванием, усилением воздействия культуры и создание коллективной памяти про природное пространство. Все это имело тенденцию закрепляться в языке и переходить от поколения к поколению и продолжая существовать в сознании носителей через национальный язык – формировать и укреплять этнолингвистическую картину. Подобную гипотезу мы находим и у С. Лема, который в свое время неоднократно возвращался к вопросу этнолингвистической картины мира, описания реальности и это для нас в свете рассмотрения вопроса экологической футурологии и вопроса этноэкологической картины мира чрезвычайно важно [3, с. 100–108].

Мы можем сделать следующие выводы – развитие обществ есть постоянный процесс, во многом он зависит от процесса развития техники как феномена в том, или ином обществе; в нынешних реалиях к этому добавилась еще одна составляющая – степень понимания экологической константы в существовании общества в глобальном и локальном масштабах, но как каждое государство имеет свою историю развития, становления и существования, так и каждый народ и этнос имеет свою историю становления, свой ареал возникновения, свою ментальную память, в которой своеобразным способом переплетены ландшафт (и «пранланшафт»), окружающая среда которые через столетия продолжают опосредовано и непосредственно влиять на своих носителей через создание техники, воссоздание и функционирование способов производства (в том числе и сельскохозяйственных технологий). Отношение к природе, живому – есть устойчивые элементы этноэкологической картины мира. Эти элементы функционируют и передаются как в технических моделях, так и в ментальных – речи, фольклоре, искусстве, литературе.

Литература: 1. Бердяев Н. Человек и машина (проблема социологии и метафизика техники). // Человек и природа № 5/90. – М.: «Знание», 1990. – 96 с., С. 13-43.; 2. Вольтер Б. В мире открытых систем // Химия и жизнь: научно-популярный журнал академии наук СССР. – Москва: Наука, 1990. – № 8. – С. 12–14. 3. Лем С. Философия случая. / С. Лем // пер. польского Б. А. Старостина. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 757 с. С. 100–108. 4. Морен Эдгар Утраченная парадигма: Природа человека. / Пер., введение, послесловие М. Собуцкого. – К.: Кармэ-Синто, 1995. – 240 с. 5. Попкова Н. В. Философская экология. – М.: Книжный Дом «Либроком», 2010. – 352 с.; 6. Хайтун С. Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции / 2-е изд. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2009. – 536 с., – С. 117.